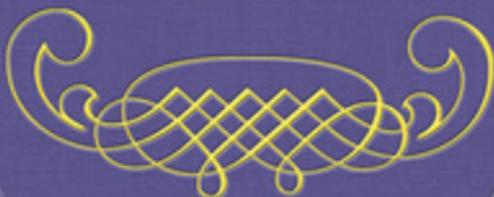

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Сельская аптека

«Темнело; народ расходился по домам; улица пустела. Фельдшер направился к гумнам и к пустынному кладбищу, с покосившимися крестами и голобцами, на которых в разных местах сидели крошечные птички со взъерошенными от ветру перышками, не зная, куда приклонить свою голову; над некоторыми из могил лежали неправильные, большие камни; иные могилки не были обложены даже дерном, другие готовы были сравняться с землей или скрывались в колыхавшейся крапиве. По одну сторону от кладбища тянулся густой, черный лес; впереди над полями, распластав крылья, усиленно боролся с ветром ворон...»

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0009
III.....	.0018
IV.....	.0025
V.....	.0030

**Николай Васильевич
Успенский
Сельская аптека**

При черепахинской аптеке есть все удобства: есть подвал, в котором хранятся химические и фармацевтические препараты; чердак для трав, комната для посетителей; есть даже лаборатория, где изготавливаются декокты^[1], припарки, сиропы, а иногда – яичницы.

Черепехинский приказчик чрез каждые два месяца извещает своего барина, живущего в Москве, что аптека стоит благополучно на прежнем месте, рассыпает дары свои щедрот на недужных и в соседях помещиках возбуждает зависть.

Как всякое полезное заведение, сельская аптека была с радостью встречена народом. В день ее открытия в Черепехино наехало множество телег с калеками, параличными, кликушами – и благотворительное заведение, будто Овчая купель, кругом обложились больными. Много добра было сделано в этот день. Фельдшер (дворовый человек, учившийся в московской фельдшерской школе) осматривал больных, делал операции, становил бан-

ки, пускал кровь. В полдень два хора певчих пели молебен. Приказчик, в честь торжества, произносил своим мужикам речь, которую слушатели приняли с первых же слов за объявление «вольной» и, волнуясь, зашумели: «Она, матушка!» – но были долго упрекаемы оратором в легкомыслии.

Долго и пламенно молился народ за основателя аптеки: всякий желал ему многих лет, счастья, блаженства на земле, – невиданное, неслыханное чудо он совершил, выстроив аптеку. Живо в памяти народа ее открытие.

Мысль построить аптеку пришла черепашинскому помещику совершенно случайно. В бытность свою в имении, он задумал за какую-то провинность отдать одного молодого лакея в солдаты; намерение свое он открыл жене, которая советовала ему лучше продать лакея. После небольших колебаний помещик согласился на это; но покупателя не нашлось, хотя лакей имел в себе некоторые достоинства, например умел читать и писать. Однажды помещик, кончив письмо к одному из своих московских знакомых, расходился по комнате, позвал к себе старосту и приказал

ему как можно скорее снаряжать подводу и запрягать пару лошадей.

– Кому прикажете? – говорил староста.

– Знай запрягай! – отвечал барин.

– Сколько кормочку приладить?

– Запрягай! – твердит помещик, весь объятый задуманным планом.

Лошадей запрягли, подкатили к барскому дому и посадили закутанного лакея.

– Вези в Москву... вот тебе письмо к его превосходительству. – Слава богу, – уладив дела, говорил помещик, – кабалу свалил! Теперь я знаю, что делать: у меня все рты разинут, что я устрою в имении!..

– Куда это везут, Степанида Ивановна? – спрашивала на сельской дороге одна женщина другую, видя, как неслась подвода с лакеем. – Уж не в солдаты ли?

– Нет; говорят, в московскую цирюльню, в доктора...

Через месяц черепахинский помещик получил из Москвы письмо: «Ваш лакей Андрей принят в фельдшерскую школу. Прилагаю вам устав о приеме, содержании, образовании и выпуске фельдшеров».

Прочитав письмо и поблагодарив своего знакомого, помещик стал читать устав, в котором говорилось: «При избрании питомцев в школу должно обращать особенное внимание, имеют ли они здоровое телосложение и достаточные умственные способности».

– Все это Андрюшка имеет, – воскликнул помещик и бросил читать устав. – Дай-ка ему образование-то: это выйдет законодатель!

В скором времени помещик отпраздновал закладку аптеки и уехал с семейством в Москву.

В одно ненастное, осеннее утро на крыльце аптеки стоял народ. Дверь в аптеку была заперта. Посетители от дождя жались в кучку; некоторые из них садились на лавку, некоторые стояли молча и смотрели на село, где мужики подсобляли на грязной дороге лошадям везти мокрые воза, а бабы насильно гнали скотину в поле.

– Что, не вставал? – шел разговор.

– Не вставал. Вчера, должно быть, воротился поздно. Кровь Захару пускал.

– Захар упал с возу-то?

– Захар.

– Ох, видно немного нам жить осталось. Что-то уж жутко приходит!.. Мертвецы опять стали ходить... За что это господь наказывает?

– Ночью ныне покойник Давыд ходил. Складницу все с собой держит... видно, от ней помер.

– Собаки, милая ты моя, до зари до самой лаяли, словно ловили кого, и-и-и заливались: мы с невесткой совсем не спали; приложишь

уху к окну, слышишь – ногами хляскает; да вдруг загудет и захохочет, и всё туда... к лесу-то идет...

– Говорят, война подымается.

Шаршавый, худощавый мальчик отворил дверь и впустил народ в аптеку.

В аптеке, не имевшей особенной чистоты и порядка, стояли с стеклянными дверцами шкапы, наполненные штофами, бутылками, банками, мензурками, ступками. На стенах висели картины.

Фельдшер, лет двадцати пяти, в коротеньком сюртуке, причесанный, с белыми воротничками, сидел за столом и вписывал в книгу расходы и приходы по имению. (На нем лежала обязанность помогать земскому.) Близ него сидел, с гармоникой в руках, сельский кузнец, угрюмо глядевший в угол и слегка скрипевший инструментом. Мальчик, помощник фельдшера, у окна делал из тряпиц корпию.

Кончив работу, фельдшер раз пять хлопнул пером об край стола, выгибая спину встал, взглянул на посетителей и пошел к окну набить трубку. Посетители приготовлялись говорить свои болезни. Одна баба высту-

пила вперед, держа на руках ребенка, который, улыбаясь, тянулся к стклянкам.

– Не балуй, Вася... в хоромах разве смеются? – шепотом говорила баба.

Позади толпы, у двери, старуха другой старухе тоже шепотом рассказывала:

– И в живых, ягодочка моя, не чаяла я быть: это – грудь, и ноги, и руки совсем измаяли!.. Только ономеднись, голубушка, стою я, слышу будто глас: «Ты бы, Федоровна, сходила в баню, растерлась...»

– Что пригрезилось...

Закурив трубку, фельдшер подошел к бабе.

– Что у тебя?

– Здравствуй, Андрей Егорыч, как поживаешь? Вот посмотри-ко, – заговорила баба, трогая голову ребенка.

Один из солдат, сложа назад руки, смотрел на больную голову.

– Скрофулезис, – произнес фельдшер, – гипертрофия... поверни-ка сюда: *cortex* наростло...

Фельдшер выпустил изо рта дым.

– А отчего, родимый, эти ухабы-то?

– Это *Fossa naucularis*... Да ты тут ничего не

понимаешь: что ты спрашиваешь.

Фельдшер обратился к другому больному; но его баба спрашивала:

– А ворковская ворожея, Андрей Егорыч, не так эту болезнь называла.

– Ты что?

– Дедушка ногу расшиб, – начал мальчик, вылезая из толпы и вытаскивая за собою большую шапку, – в лесу березой... дюжо схватило...

– Скажи, чтобы он лошадь прислал сюда; а так я не пойду. – Ты, бабка, опять пришла?

– Вот грудь у меня, желанный... промежду сердца-то и...

– Я сказал тебе: *tuberculosis*! болезнь неизлечимая.

– Помоги, кормилец! – задыхаясь и держась за грудь, промолвила старуха.

– Ты трефоль пила?

– Я пила тряхволи.

– Ну, когда-нибудь банки поставлю, – сказал фельдшер и отнесся к солдатам. Старуха уныло пошла в дверь; ее кашель глухо раздавался за порогом...

– Мне, – начал солдат, надвигая на плечо

шинель, – позовьте, Андрей Егорыч, прежде-го, то есть, ку...ку... потому – дело оказывается плохо.

– А, по-прежнему? – затягиваясь, спросил фельдшер.

– Еще хуже...

– И мне уж того же, – прибавил другой солдат, – да нельзя ли на минутку одолжить симфончика. И ротный просит этого...

Фельдшер достал из шкапа пузырек с белой мазью, взболтал ее и сказал бабе:

– *Unguentum!* мажь ребенку голову; три раза в день, запомнишь?

– Как же, родимый...

– Смотри, внутрь не дай: вы глупы!

– Глупы, касатик.

– Пропусти-ка меня, бабка, дай достать лекарство.

– Пройди, пройди.

– Ты чем нездорова?

– Сынок у меня болен, соколик мой, четвертые сутки лежит недвижимо: травкой его хочу попоить.

– Что же, Андрей Егорыч, кашицы-то!.. – вскрикнул солдат.

– Сейчас! – доставая с полки лекарство, проговорил фельдшер. – Алеша, да ты сыграй что-нибудь на гармонике, сдействуй: «Что ты, Катя, приуныла...»

Кузнец тряхнул головой и заиграл на гармонике, выделявая разные колена. Получившие лекарства и не дождавшиеся их выходили из аптеки.

Фельдшер закурил новую трубку и опять подошел к оставшимся больным.

– У меня, – говорил хворый, худой мужик, – рана на ноге, Андрей Егорыч... Нельзя ли вам замолвить словечко приказчику, чтобы погодили маленько меня гонять на работу?

Фельдшер обратился к другому.

– А ты?

– Для Захара пришел попросить лекарства.

– А он еще говорит?

– Как же. Говорит: зачем мне кровь пускали?

Фельдшер снял трубку, продул чубук, помахал им по комнате и начал смотреть в его дырочку.

– На что кровь пускали? – спросил он. – У него, верно, голова болит... Васька, принеси

проволоку: в чубуке застряло... А ты, Алеша, с басами-то двинь!..

– Однако до свидания! – сказал фельдшеру кузнец, укладывая под мышку гармонику.

– Куда же ты? Да посиди... Скука, брат, одолевает...

– Нет, пойти шкворень поправить.

Мало-помалу аптека опустела. Фельдшер остался с одним мужиком, которому для большого пальца начал готовить пластырь. Мужик глядел, как он готовит, и, между прочим, спрашивал:

– Небось, Андрей Егорыч, в вашей школе трудно было учиться?

– У кого резвые способности – не трудно!

– Каким там наукам учат?

– Всяким. Мы разглядываем у человека внутренности...

– То есть внутре-то? А что, и ребуха у человека есть, как у скота?

– Разумеется! но она благороднее; потому что человек – не скот!

– А вот, Андрей Егорыч, я хотел вам все сказать: нельзя ли вам попросить обо мне приказчика? Видишь, у меня тягло одно; а я

правлю за два...

– Держи-ка пластырь-то; мы с тобой до вечера не кончим... Посмотрю я, у вас в голове-то *sped es pectoralis!*..

В аптеку вошел кучер с кнутом и рукавицами за поясом.

– Здравия желаем, Андрей Егорыч.

– Здравствуй, Семен Титыч, – сказал фельдшер. – Что ты?

– Да наши журавлевские господа просят вас к себе. Несчастье маленькое стряслось.

– Какое?

– Да бырыня своей дочке ставила пиявки и не сумела – кровотечение крови показалось, так еду за доктором. А в город Ливны опять за доктором поехали, и будет у нас наподобие докторского совещания.

– Консилиум?

– И, к примеру, все доктора будут говорить на разных языках и мы будем их слушать.

– А не знаешь, отчего кровотечение-то?

– А вот извольте: наметили они изо всей мочи в самую жилу этими пиявками... Вы, будем говорить так, ежели, положим, вы делаете операцию, то уж вы ее делаете с размаху;

ан и легкость от этого... Али так возьмем: заметили вы у кого больной член, то вы поровите его выдернуть, а не оставить на месте. — До свидания, Андрей Егорыч!

У крыльца журавлевского барского дома теснились лворовые люди, собравшиеся смотреть консилиум. Впереди толпы стоял кучер. Он упрашивал лакея, выносившего на улицу медный таз:

– Фаддей, скажи, пожалуйста, барыне, нельзя ли посмотреть? Ты скажи – кучер жедает. Главная вещь, ежели уж затеялось представление, то надо, чтобы его все видели.

– Погоди, – отвечал лакей. – Я пойду налью в таз воды, а ты его снесешь в детскую.

– А мы-то не увидим? – заговорили дворовые люди, глядя с завистью на кучера, который тотчас же принялся убеждать их:

– Вам тут, по душе скажу, любопытного малость. Разочтите: ведь двенадцать языков! махина аль нет?

В доме помещика около постели больной девочки лет десяти сидела помещица, ее муж, с трубкой в зубах, и доктор. На стульях, на полу были разбросаны полотенца, которые сбирала горничная. В углу стоял фельдшер в сюртуке нараспашку и в белом жилете. Помещи-

ца утирала остатки слез на своих глазах и спрашивала дочь:

– Ну, как ты себя чувствуешь?

– Это скоро пройдет, – выговорил доктор, – я такие же муки сам на себе испытал.

– А вы были больны, Лука Лукич?

– Да, в молодости: я был очень резов...

– У Сашечки, Лука Лукич, – прервала помещица, – сначала под шейкой зоб был.

– Это опухоль, – сказал доктор.

– И отчего это у ней?

– Причин много может быть, – отвечал доктор, – определить их трудно.

– Известно, – в свою очередь, заговорил фельдшер, – от разных причин делается эта болезнь: от ушибов, от простуды... Например, у млекопитаемых лошадей тоже под горлом бывают шишки...

– А ты, любезный, помолчал бы, – перебил помещик. – Вы, доктор, знаете: ведь это он назначил пиявки к шее дочери; по его милости мы испортили артерию...

Доктора пригласили в столовую закусить. Помещица осталась с дочерью в детской. Фельдшер тоже был в столовой.

– Ты, почтенный, назначил пиявки к самому нежному месту, – сказал доктор.

– Так точно: промеж стерноклей до мастоидными, – отвечал фельдшер.

– Да, между этими мускулами. Доктор выпил.

– Вот видишь, – начал он, – это нехорошо; почему? пиявки ставить должно; но при такой организации детской, так сказать, и нервозной, какова у больной, – этого допустить нельзя. Ты назначил их *ad arteri amcaroti dem*, причем открылось сильное кровотечение.

– Вот что ты сделал! – завопил помещик. – Пиявка прокусила артерию...

– Надо полагать, – сказал доктор, – пиявка артерию... повредила...

– Что к шее! – выпив наливки и заткнув бутылку, воскликнул помещик. – Он вот какую штуку удрал, Лука Лукич: приставил дворовому мальчику мушку к виску... ушам не верю! в первый раз слышу такую чепуху! Что ж вы думаете? Мальчик окривел!.. Вот что ты сделал!

– Варфоломей Игнатьич, – сказал фельдшер, – всякий человек может окриветь; этим

шутить нельзя... а радикальное пользование мушки уже нам доказано; следовательно, мы были вправе ее присадить.

– Но, однакож, – заметил доктор, – мальчик окривел!

– Как же-с, – сказал фельдшер, – одним глазом ничего не видит, даже матери своей не узнает...

– Отчего же он окривел?

– На это, ваше превосходительство, сказать мудрено-с: мы в практике часто встречаем не такие случаи, однако лечение свое продолжаем.

Явилась помещица.

– Вы, кажется, Андрея браните здесь? – сказала она, садясь за стол.

– Заметить надобно, Анна Ивановна.

– Нет, Лука Лукич, я всегда готова оправдать Андрея; он, право, услужливый такой. Нынче весной со мной дней пять мучился...

– Нездоровы были? – спросил доктор.

– Полнокровием страдали, – ответил фельдшер.

– Врешь, воспалением, – перебил помещик.

– Я не знаю, – заговорила помещица, – но

мне кажется, что полнокровие причиной: душило меня... Сначала он мне поставил банки, потом сорок пиявок – не унялось! потом кровь пустил – опять сорок пиявок, опять банки.

– Легче стало? – спросил доктор.

– Гораздо легче!

Помещица тихонько подозвала к себе горничную и шепотом дала ей приказание, чтобы фельдшеру дали обед в кухне. Горничная, сделав фельдшеру мину, повела его за собой.

– Много легче! – продолжала помещица.

– Но кровопускание вредно, Анна Ивановна.

– Знаю, Лука Лукич... Нынешние медики не одобряют кровопускания; но я не боюсь: у меня кровь не истощится... Заметьте, как только я отворю кровь, сейчас почувствую невыносимый аппетит; стало быть, когда я поем, у меня потеря крови вознаградится, – не так ли?

– Так, – усмехнувшись, сказал доктор и прицелился вилкой в колбасу. – Вы как будто, Анна Ивановна, учились физиологии. Ваша правда: все, что ни поступает в наш организм

(доктор опустил колбасу в свой организм), перерабатывается сначала желудком: что называется, – делается каша... *chilus*... Это *chilus*, представьте себе, переходит в кишечный канал. Далее, все жидкие части посредством всасывания поступают в кровь; и вот, когда вы покушаете, пища превращается в кровь.

– Ну, вот видите? – торжествующим голосом произнесла помещица.

– Вы, верно, когда-нибудь читали медицинские книги?

– Кажется, читала, Лука Лукич, когда еще была дитятей.

– Лука Лукич! – возразил помещик, раскуривая трубку, – растолкуйте мне: отчего, например, на ране или так где-нибудь вдруг нагноение является?

Помещица шепнула что-то мужу на ухо.

– Что ж такое, если меня интересует этот предмет? – ответил помещик.

– Можете себе вообразить, – начал доктор, – нагноение бывает двух родов: доброкачественное, во-вторых – злокачественное. Гной под микроскопом...

– Лука Лукич, Лука Лукич! – заголосила по-

помещица, простирая к доктору руки.

– Что, вам неприятно? Но скажу – чрезвычайно важная вещь этот гной: в медицине у нас даже его вкус определяется.

Помещица ушла в другую комнату. Доктор встал из за стола с красными щеками.

IV

Перед сумерками в Черепяхине шел проливной дождь, заставивший фельдшера сидеть в своей аптеке. К нему снова прибегал мальчик от лесника и просил посмотреть ушибленную ногу. Фельдшер обещался прийти, как скоро дождь перестанет. Он сидел у окна и смотрел на улицу. Против аптеки под поветью крестьянского сарая стояли две мокрые бабы, захватив полы своих зипунов, и молча глядели на ручьи по дороге; среди улицы на траве мокнула спутанная кляча с хвостом, похожим на горсть пакли. Широкая река усеялась частыми брызгами, у плотины дружно рылись утки, уткнувши носы в воду; вдали на горе, будто в тумане, дремали леса, один другого темней; все имело скучный, пасмурный вид.

Около пяти часов дождь перестал. На улице посветлело. Фельдшер отправился к леснику. Было холодно; река сильно волновалась, и у берегов скоплялась пена. Навстречу фельдшеру попадался народ.

Фельдшер остановился на краю села, неда-

леко от изб, и смотрел на бежавшую к нему из проулка сторбившуюся бабу; ее головная повязка трепалась длинными концами. Она, запыхавшись, очутилась близ фельдшера: на лице ее было беспокойство.

– Ну, что ты? – крикнул фельдшер.

– Кормилец... – начала баба, едва переводя дух, – что ж, родной... болезнь-то моя... полегчи, касатик...

– Я вам не раз говорил, что туберкулезных я не лечу: нет спасения...

Баба смотрела в землю и кашляла; фельдшер заключил:

– Дом тебе пора строить, – дом!..

– Какой, родимый?

– Из четырех досок... сосновый...

Фельдшер пошел. Баба, закрыв глаза тряпичей, зарыдала.

Темнело; народ расходился по домам; улица пустела. Фельдшер направился к гумнам и к пустынному кладбищу, с покосившимися крестами и голобцами, на которых в разных местах сидели крошечные птички со взъерошенными от ветру перышками, не зная, куда приклонить свою голову; над некоторыми из

могил лежали неправильные, большие камни; иные могилки не были обложены даже дерном, другие готовы были сравняться с землей или скрывались в колыхавшейся крапиве. По одну сторону от кладбища тянулся густой, черный лес; впереди над полями, распластав крылья, усиленно боролся с ветром ворон. По узенькой тропинке фельдшер пришел в чащу леса; в нем было темно: справа и слева сновали трепетавшие своими сухими листьями осины и березы. По всему лесу равномерно распространялся широкий, плавный гул, – точно где вблизи шумела вода; ни одного птичьего голоса; кругом полумрак, вместе с гулом располагавший к тяжелым думам. Ровные березы уныло покачивались и тихо шуршали своими верхушками.

Далеко слышался мерный, замирающий стук топора; неохотно лаяла на пчельнике собака... Опять стонет лес; отрывать слуха не хочется ото всего, что слышится вокруг...

Фельдшер пришел к леснику. У стола, с опухшим от слез лицом, сидела молодая баба и втыкала в светец зажженную лучину. На хорах стонал лесник. С появлением фельдше-

ра баба встала с своего места, а больной начал принимать полусидячее положение.

Фельдшер снял фуражку и обтер на лбу пот.

– Что ты? – сказал он, приступая к больному.

– Отец родной!

– Ну-ка, покажи, где это ты так?.. Лесник развернул тряпицу и обнажил ногу.

– Мне недосуг к вам ходить-то... Акулина, посвети сюда!..

Акулина поднесла к хорам лучину и вдруг, взглянув на рану, зарыдала на всю избу.

– Держи, держи лучину-то, – сказал фельдшер. У лесника на глазах показались слезы.

– Андрей Егорыч, больно, батюшка! – вскрикнул старик, хватая его за руку.

– погоди! (фельдшер скинул с себя верхнее платье). Надо растереть...

Больной затрясся, с ужасом глядя, как фельдшер начал засучать свои рукава. Он взял стклянку и налил себе на ладонь мазь.

– Держись!

– Ой! государь мой!

– Акулина! бери за ногу...

Лесник упал в бесчувствии навзничь.

По прошествии двух дней посреди сельской улицы несли гроб. Фельдшер возвращался с практики. Позади гроба в отдалении шли бабы; раздавался плач.

– Кого это несут? – остановив одну бабу, спросил фельдшер.

– Лесника, – произнесла она.

Фельдшер задумчиво перекрестился.

– Верно, антонов огонь; забыл тогда пиявок-то припустить!..

1859

Комментарии

1

Декокт – лекарственный отвар.

[^^^]